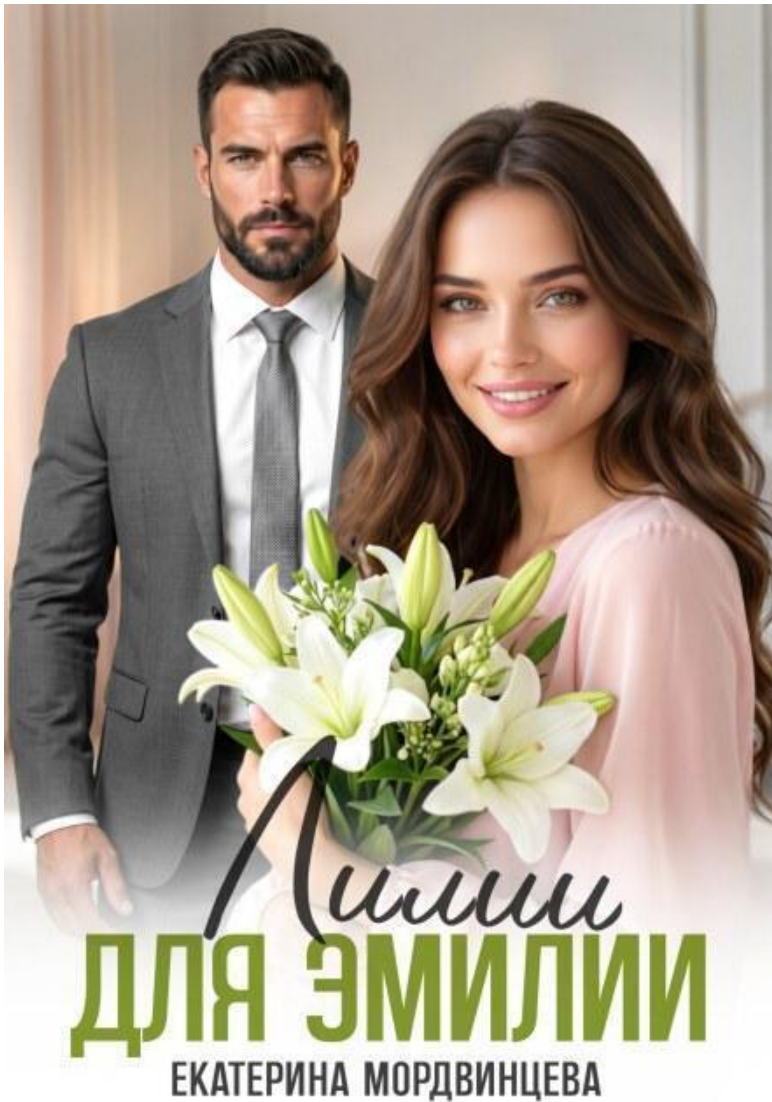

Лилии
ДЛЯ ЭМИЛИИ
ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

Екатерина Мордвинцева Лилии для Эмилии

<https://litres.ru/74211517>

Аннотация

Кто прислал лилии? Этот вопрос не даёт покоя Эмилии Соболевой. Анонимные цветы, дорогое платье и приглашение в ресторан — кто стоит за этим романтическим жестом? Ответ оказывается шокирующим: таинственный поклонник — её школьный обидчик Алексей Гаршин. Семь лет назад он исчез из её жизни, оставив после себя только боль и унижения.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	32
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пролог

Я проснулась оттого, что за окном кто-то громко и совершенно бестактно чирикал. Не знаю, какой именно вид пернатых облюбовал карниз моей квартиры на пятом этаже, но этот товарищ явно считал, что семь часов утра — идеальное время для сольного концерта. Я лежала с закрытыми глазами, надеясь, что если не шевелиться, то реальность как-нибудь рассосётся и снова станет сном. Но реальность, как это часто бывает, оказалась упрямее.

Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробивался солнечный свет — тот самый, настырный, мартовский, который уже не похож на зимнее бессильное свечение, но ещё не обрёл летней щедрости. Он падал на пол узкими полосами, подсвечивая пылинки, и я знала, что если сейчас открою глаза, то увижу, как они лениво танцуют в воздухе. Весна наступала. Не календарная, не формальная, а настоящая, которую чувствуешь каждой клеткой: в запахе оттаявшей земли за окном, в этой дурацкой птичьей суете, в свете, который почему-то кажется обманчиво оптимистичным.

Я открыла глаза и некоторое время смотрела в потолок. Белый, с едва заметной лепниной по краям, доставшийся мне вместе с этой квартирой, которую я три года назад выбрала с таким тщанием, будто искала не жильё, а вторую половинку. Выбрала, кстати, удачно. Просторная «однушка» в

старом фонде, с высокими потолками, большими окнами и видом на небольшой сквер. Я сама делала здесь ремонт, сама подбирала каждый предмет, каждую деталь. И теперь моя квартира была похожа на меня: аккуратная, стильная, с намёком на уют, но без лишней сентиментальности. Серо-голубые стены, много дерева, несколько крупных чёрно-белых фотографий на стенах, книги на полках — не просто для красоты, а реально прочитанные, и ни одного плюшевого медведя или свечи в форме сердечка.

В моей жизни вообще не было места лишней сентиментальности. Я тщательно выстроила её так, чтобы всё было под контролем: работа, финансы, свободное время, даже чувства. Особенно чувства. Потому что чувства — это та зона, где контроль теряется быстрее всего, а последствия потом разгребашь годами. Мой опыт подсказывал, что лучше не рисковать.

Я села на кровати, поправила сползшую лямку пижамы — старой, выцветшей футболки с принтом «I NY», которую носила уже бог знает сколько лет, потому что она была невыразимо удобной и, что характерно, её никто не видел. Кровать была моей гордостью: широкая, с высоким изголовьем, на ней с комфортом поместились бы два человека, но уже долгое время она служила исключительно мне одной. Я заправила её машинально, привычным движением, хотя никто, кроме меня, этого порядка не оценил бы. Просто я любила, когда всё на своих местах.

В дверь позвонили.

Я замерла с подушкой в руках, прислушиваясь. Звонок повторился — настойчивый, но не агрессивный. Я взглянула на часы на тумбочке: половина девятого. В восемь утра никто в здравом уме не приходит без предупреждения. Разве что соседка сверху опять забыла ключи, но у неё своя манера стучать ногой в дверь, а не жать на звонок. Я накинула халат — длинный, махровый, цвет «пыльная роза», который когда-то подарила мне мама, сказав: «Дочка, ты слишком много носишь серое, добавь в жизнь цвета». Мама, как всегда, была права насчёт цвета, но я так и не научилась впускать его в свою жизнь. Разве что в виде халата.

Я прошла по коридору, чувствуя босыми ногами прохладу паркета, и глянула в глазок. Сердце почему-то ёкнуло, хотя я прекрасно знала, что за дверью вряд ли может быть что-то, что стоит этого сердечного ёканья. За дверью стоял мужчина в форме службы доставки с огромным букетом в руках.

Огромным — это не преувеличение. Букет был таким пышным, что почти полностью скрывал его грудь. Белые цветы, длинные стебли, нежная зелень — даже сквозь мутноватый глазок домофона я разглядела, что это не просто цветы из ближайшего киоска, а нечто дорогое, флористически выверенное, словно сошедшее с картинки в одном из мессенджеров, на который я подписана, но никогда ничего там не заказывала.

Я открыла дверь, и меня тут же обдало запахом. Тяжё-

лым, сладким, почти осязаемым запахом лилий. Я не особенно жаловала лилии — уж слишком у них был властный, навязчивый аромат, который, казалось, заполняет собой всё пространство, не оставляя места другим запахам. Но сейчас, в утренней тишине подъезда, на фоне серых стен и вытертого коврика, этот букет выглядел как пришелец из другой, более красивой и благополучной жизни.

— Эмилия Сергеевна? — спросил доставщик, сверяясь с накладной.

— Да, это я.

— Вам заказ.

Он протянул букет, и мне пришлось взять его обеими руками, потому что одной было просто не удержать. Цветы оказались даже тяжелее, чем я предполагала. Свежие, упругие, с каплями воды на лепестках — их явно только что привезли. Я машинально сунула нос в бутоны и тут же отпрянула: аромат ударил в голову, как хорошее вино, — кружащий, пьянящий, заставляющий кровь бежать быстрее.

— От кого? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Доставщик развёл руками:

— Без открытки. Заказ оформлен анонимно, оплачен картой. В накладной только ваш адрес и телефон. Можете расписаться вот здесь.

Я поставила закорючку в планшете, не глядя, всё ещё рассматривая цветы. Белые лилии, крупные, раскрытые почти до конца, в обрамлении аспидистры и эвкалипта. Перевязан-

ны широкой атласной лентой цвета слоновой кости. Красиво. Слишком красиво, чтобы быть просто цветами.

Доставщик ушёл, а я осталась стоять в прихожей с букетом в руках, чувствуя себя героиней какого-то фильма, где в этот момент обязательно должна заиграть романтическая музыка. Но музыка не играла, только слышно было, как за окном всё тот же нахальный воробей продолжает выводить свои трели.

Я закрыла дверь, прошла на кухню и поставила букет на обеденный стол, предварительно сдвинув в сторону сушку с чистыми чашками. Он занял почти половину стола, и это было абсурдно — моя кухня, рассчитанная на уютные завтраки в одиночестве, и вдруг этот пышный, почти вульгарный в своей роскоши букет, словно явившийся из другого измерения.

Я отошла на шаг, потом на другой. Села на стул, потом встала. Потом налила себе стакан воды, выпила залпом, но прохлада не помогла прояснить мысли.

Кто?

Вопрос бился в голове с такой же настойчивостью, с какой тот воробей бился в оконное стекло. Кто мог прислать мне цветы? И главное — зачем? Восьмое марта, конечно, праздник, но я давно привыкла, что в этот день меня поздравляют коллеги (дежурной открыткой в рабочем чате), подруга Ленка (эмодзи с тюльпанами и подписью: «С 8 Марта, наша деловая колбаса!»), мама (звонком с традиционным: «Ну что,

доченька, кто-нибудь подарил тебе цветы?») и иногда сосед снизу, пенсионер дядя Витя, который обязательно приносит веточку мимозы, потому что «девушка должна в этот день чувствовать себя девушкой». От дяди Вити мимоза, от коллег — общая открытка, от Ленки — эмодзи. Всё предсказуемо, всё привычно, всё под контролем.

А тут — белые лилии. Дорогие, изысканные, анонимные. Кто-то заплатил за них, заплатил за доставку, специально выбрал адрес и время. Кто-то знал, где я живу. Кто-то знал, что сегодня я проснусь одна, и решил, что это нужно изменить.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, и тут же одёрнула себя: не строй иллюзий, Эмилия. Может, это просто ошибка. Может, цветы предназначались соседке из сто пятой, а доставщик перепутал этажи. Может, это какой-то розыгрыш. Может, это Ленка решила надо мной подшутить, хотя Ленка скорее заказала бы пиццу с ананасами, чем такой букет. Может, это...

Я перебирала варианты, но ни один не казался убедительным.

Вернулась в прихожую, открыла дверь и выглянула на лестничную клетку. Никого. Только запах лилий, уже успевший распространиться по коридору, витал в воздухе, приторный и неумолимый.

Я снова закрылась и пошла в ванную. Умылась, почистила зубы, убрала волосы в пучок — всё как обычно. Но движения были механическими, потому что мысли всё время воз-

вращались к букету. Я смотрела на себя в зеркало: двадцать пять лет, карие глаза, светлые волосы, которые я уже полгода не красила, и привычное выражение спокойной, немного усталой сосредоточенности. В последнее время я часто видела в зеркале именно это — женщину, которая умеет держать лицо. Которая не позволяет себе лишнего. Которая всё контролирует.

А сейчас в моём контроле появилась огромная белая дыра в виде букета неизвестно от кого.

Я вышла из ванной, прошла на кухню и села напротив цветов, как будто они могли дать ответ. Они молчали. Только аромат становился всё гуще, смешиваясь с запахом свежесваренного кофе, который я машинально включила, нажав кнопку кофемашины.

— Ладно, — сказала я вслух. — Допустим, это не ошибка. Кто?

Я начала перебирать мужчин, которые могли бы это сделать. Список был коротким, как мой отпуск в прошлом году.

Андрей? С ним мы расстались полгода назад после двух лет отношений, которые, как мне казалось, были почти идеальными. Почти. Потому что Андрей оказался тем, кто любил не столько меня, сколько образ «успешной девушки с дизайнерским ремонтом и отличной фигурой». Когда выяснилось, что у меня тоже бывают плохие дни, что я могу не хотеть секса после тяжёлой рабочей недели и что иногда мне нужно побыть одной, Андрей растерял весь свой интерес с

такой скоростью, что я даже не успела обидеться — только отметить про себя, как точно сработала моя система филтрации. Правда, сработала она с опозданием на два года. Но лучше поздно, чем никогда. Андрей сейчас, судя по мессенджеру, встречается с фитнес-тренершей по имени Алина, которая каждое утро начинает с планки и смузи из шпината. Лилии? Нет. Андрей дарил мне однажды орхидею в горшке, сказав: «Букеты вянут, а это будет стоять». Орхидея засохла через месяц, и я не стала её реанимировать.

Кирилл? Мой бывший начальник, с которым у меня был короткий, но бурный роман три года назад. Кирилл был из тех мужчин, которые знают, как эффектно ухаживать: рестораны, такси, комплименты, цветы. Но он также был из тех, кто через три месяца начинает проверять телефон и ревновать к клиентам мужского пола. Я ушла сама, не дожидаясь, пока это станет невыносимо. Кирилл тогда обиделся, пытался вернуть, но я была непреклонна. Сейчас он женат, у него двое детей. Вряд ли ему есть дело до моих лилий.

Игорь? Друг, с которым мы иногда ходим в кино или на выставки, потому что обоим нравится обсуждать потом увиденное, а не сидеть в тишине. Между нами никогда не было ничего романтического, и Игорь всегда говорил, что я «слишком крутая для него». Комплимент сомнительный, но мы остались друзьями. Игорь знает, что я не люблю лилии — я как-то обронила в разговоре, что они пахнут «слишком настойчиво». Так что нет.

Ещё был парень, с которым я переписывалась в приложении для знакомств две недели, но так и не решилась на встречу. Игорь, Денис, Вадим? Я уже путала имена. Вряд ли кто-то из них стал бы тратить деньги на такой букет.

Получалось, что незнакомец. Или, что ещё более странно, знакомый, который хочет остаться неизвестным. Зачем? Чтобы интриговать? Чтобы я гадала? Чтобы...

Я вздохнула и отхлебнула кофе. Кофе был горьким — я забыла положить сахар, потому что всё думала о цветах.

Моё утро, которое должно было быть тихим и предсказуемым, превратилось в детективную историю. Я, Эмилия Сергеевна Соболева, дизайнер интерьеров, человек, который привык рассчитывать каждый сантиметр пространства и каждый шаг в отношениях, сидела на своей кухне и гадала, кто посмел нарушить мой покой таким изысканным и неожиданным способом.

Допив кофе, я подошла к букету и осторожно раздвинула листья, надеясь найти хоть какую-то зацепку. Маленькую карточку, спрятанную записку, намёк. Ничего. Только лента, стебли, вода в прозрачной упаковке, в которой цветы были закреплены специальной флористической губкой. Я провела пальцем по гладкой ленте — шёлк, качественный, дорогой. На таком не экономят.

Я взяла телефон. Первым порывом было позвонить Ленке. Ленка — моя подруга ещё с института, единственный человек, который знает обо мне почти всё. Ленка работает в

рекламном агентстве, носит яркие платья, красит волосы в розовый и умудряется сочетать карьеру, трёх кошек и бесконечные романы с такой лёгкостью, что я иногда завидую её умению не усложнять. Ленка сказала бы: «Эмилия, да радуйся ты, наконец! Кто-то решил сделать тебе приятно, а ты уже раскладываешь это по полочкам!». И она была бы права.

Я отложила телефон. Не потому, что не хотела её слушать, а потому, что боялась, что она права, а я — нет. Что моя привычка всё анализировать, всё контролировать, не доверять спонтанности и чудесам — это не зрелость, а просто страх. Страх перед тем, что может случиться что-то, что я не смогу предусмотреть.

Я снова посмотрела на лилии. В этом утреннем свете, заливавшем кухню, они казались почти нереальными. Белые лепестки с чуть заметной зеленоватой прожилкой, тяжёлые бутоны, раскрывшиеся навстречу солнцу. Аромат теперь заполнил всю квартиру, он был везде — в гостиной, в спальне, даже в ванной, куда я заходила, чтобы взять вазу. Вазу? У меня вообще не было вазы, которая подошла бы для такого букета. Мои скромные стеклянные цилиндры, в которых я обычно держала одну-две веточки эвкалипта или скромный букетик из супермаркета, явно не годились.

Я достала из шкафа на кухне самую большую вазу — широкую, керамическую, серую, купленную когда-то для композиций из сухоцветов. В ней лилии смотрелись чуть более приземлённо, но всё равно казались чем-то из другого ми-

ра. Я налила воды, добавила специальный порошок для срезанных цветов (да, у меня был такой — я же дизайнер, у меня всё должно быть правильно), срезала стебли под углом, как учила мама, и поставила букет. Потом долго смотрела на него, пытаюсь понять, что чувствую.

Раздражение? Нет, скорее растерянность. Любопытство? Да, безусловно. Но где-то глубоко, под слоем скептицизма и привычки держать всё под контролем, зарождалось что-то ещё. Что-то, что я не хотела сразу распознавать, потому что это «что-то» было похоже на надежду. На предвкушение. На ощущение, что сегодняшний день, начавшийся так обычно, может оказаться не таким уж обычным.

Я одёрнула себя: не придумывай. Цветы — это просто цветы. Кто-то ошибся, кто-то решил пошутить, кто-то хотел произвести впечатление и ошибся адресом. Через пару дней они завянут, я выброшу их, и всё вернётся на круги своя.

Но аромат продолжал наполнять квартиру, и я поймала себя на том, что уже несколько раз останавливалась перед букетом, чтобы вдохнуть его полной грудью. Он был тяжёлым, почти дурманящим, и в этом была какая-то древняя, почти опасная красота. Лилии — цветы не для скромных признаний. Лилии — это жест. Заявление. Или вызов.

Я решила, что не буду больше об этом думать. Сегодня выходной, у меня есть планы: нужно доработать эскизы для нового проекта — загородного дома, который я вела уже два месяца и который никак не могла довести до идеала. Клиен-

ты были требовательные, с хорошим вкусом, и я хотела их удивить. Работа всегда была моим убежищем, местом, где я чувствовала себя уверенно, где всё подчинялось логике, пропорциям, правилам. В отличие от отношений, где правила постоянно менялись, а логика часто отказывала.

Я переоделась в домашние джинсы и мягкий свитер, села за рабочий стол в углу гостиной, открыла ноутбук. Но мысли не слушались. Я смотрела на экран, на трёхмерную модель гостиной с панорамными окнами, и не могла сосредоточиться. Вместо этого я думала о том, кто мог выбрать именно лилии. Белые лилии. Символ чистоты, но также символ смерти — в некоторых культурах. И символ возрождения — в других. Венчальные цветы и траурные цветы. Такие противоречивые. Такие, как... я покачала головой, отгоняя мысли. Не приписывай цветам несвойственные им значения, Эмилия. Это всего лишь цветы.

Но в том-то и дело, что они не были «всего лишь цветами». Они были заявлением о том, что кто-то думал обо мне сегодня утром. Кто-то встал, заказал их, заплатил деньги, указал мой адрес. Кто-то хотел, чтобы я проснулась не с чувством привычной мартовской грусти, а с ощущением праздника. И у этого «кто-то» были на то причины.

Я закрыла ноутбук и прошла на кухню, чтобы налить себе ещё кофе. Встала у окна, глядя на сквер. Там уже вовсю гуляли мамы с колясками, пара пенсионеров кормила голубей, а на лавочке сидела девушка с букетом тюльпанов — явно

подаренным, потому что она то и дело прижимала его к себе и улыбалась телефону. Обычная картина. Все вокруг живут своей жизнью, у всех есть какие-то свои маленькие радости, а у меня — лилии от неизвестного, которые пахнут так, что кружится голова.

Я взяла телефон и всё-таки написала Ленке.

«С добрым утром. Ты мне цветы не заказывала?»

Ответ пришёл через минуту, полный восклицательных знаков:

«Цветы??? Тебе??? Какие??? Я?! Нет! Но если кто-то заказал — рассказывай срочно!!!»

Я усмехнулась. Ленка была предсказуема в своей непредсказуемости.

«Белые лилии. Огромный букет. Без открытки. Доставка в 8:30 утра».

«Охренеть! И от кого???»

«Не знаю. Поэтому и спрашиваю. Может, твои шутки?»

«Эмилия, если бы я заказывала тебе цветы, я бы заказала что-то яркое и смешное. Подсолнухи, например. Или герберы. А лилии — это не мой стиль. Это чей-то очень серьёзный ход!»

«Какой ещё ход?»

«Ну, знаешь. Мужчина хочет произвести впечатление. Тайный поклонник. Романтика! Ой, как я за тебя рада!»

«Не радуйся раньше времени. Может, просто ошибка».

«Слушай, ну какая ошибка? Тебя же нашли по адресу и

имени. Кто-то точно знает, кто ты и где живёшь. И решил сделать сюрприз. Неужели совсем нет идей?»

Я задумалась. Идей не было, но я не хотела признаться в этом даже Ленке.

«Ни одной. Потому и пишу».

«А ты вспомни. Может, кто-то недавно проявлял интерес? Клиент какой-нибудь? Или случайный знакомый?»

«Клиенты у меня все семейные, а случайных знакомых не бывает — я же не выхожу из дома».

«Вот-вот. Сидишь в своей норе и удивляешься, что никто не приходит. А тут приходят! Ну, в смысле, цветы приходят. Это знак, Эмилия! Весна, всё такое. Может, это судьба?»

«Лена, прекрати. Это просто цветы».

«Ага, просто цветы. Которые стоят, наверное, как моя месячная аренда. Ладно, не буду давить. Но если узнаешь — звони сразу. Я умру от любопытства!»

Я отложила телефон, чувствуя лёгкое раздражение. Не на Ленку — на себя. Потому что где-то внутри я уже начала верить, что это не ошибка. Что кто-то действительно прислал их мне. И это «кому-то» я, кажется, даже начинала симпатизировать, хотя понятия не имела, кто это.

Я снова подошла к букету. В ярком утреннем свете лилии казались почти прозрачными, с едва заметной зеленоватой жилкой на каждом лепестке. Я осторожно дотронулась до одного из них — прохладный, гладкий, упругий. Живой. Как и то чувство, которое шевелилось где-то в груди, вопреки всем

моим попыткам его подавить.

Предвкушение. Да, это было именно оно. Тихое, почти незаметное, но упрямое, как тот воробей за окном. Ощущение, что сегодня может случиться что-то, что изменит привычный ход вещей. Что где-то там, за пределами моей выстроенной, контролируемой, безопасной жизни, кто-то задумал что-то, что касается меня напрямую. И я, хоть и пытаюсь делать вид, что мне всё равно, на самом деле уже жду продолжения.

Я села на диван, поджав под себя ноги, и уставилась в окно. За ним продолжалась обычная жизнь: машины, люди, голуби. А в моей квартире пахло лилиями, и этот запах, казалось, менял всё. Он делал мою уютную, правильно обставленную квартиру чуть более таинственной. Он напоминал, что мир не всегда подчиняется логике и что иногда случаются вещи, которые не вписываются ни в какие схемы.

В моей жизни давно не случилось ничего, что не вписывалось бы в схемы. Я сама сделала её такой — предсказуемой, безопасной, лишённой сюрпризов. После Андрея я решила, что хватит экспериментов. Что лучше быть одной, чем с кем попало. Что любовь — это вообще, возможно, переоценённое понятие, придуманное поэтами и кинематографистами, чтобы продавать билеты и книги. Что есть работа, есть друзья, есть хобби (я, например, коллекционирую винил и иногда устраиваю себе вечера с джазом и красным вином), и этого вполне достаточно для счастья.

Я почти убедила себя в этом. Почти. Но сейчас, сидя на диване и вдыхая аромат лилий, я понимала, что «почти» — это не «совсем». Что где-то там, под слоями рациональности и самоконтроля, всё ещё живёт та девчонка, которая в шестнадцать лет верила, что однажды кто-то подарит ей цветы просто так, потому что она — это она. Которая ждала чуда, пусть и маленького, пусть и необязательного, но чуда.

И вот оно пришло. В виде огромного букета белых лилий, без открытки, без подписи, без объяснений.

Я решила, что не буду больше ломать голову. Если этот таинственный отправитель хотел меня заинтриговать, у него это получилось. Но я не собираюсь тратить на это весь день. У меня есть работа, и я буду делать её, как и планировала. А цветы... цветы пусть стоят. Они красивые. И пахнут, в конце концов, не так уж плохо.

Я снова открыла ноутбук, сделала музыку потише — играл какой-то плейлист с фортепиано, который я обычно слушала для фона — и попыталась сосредоточиться. Эскизы загородного дома. Гостиная с панорамными окнами, выходящими на лес. Заказчики хотели, чтобы интерьер был «скандинавским, но с душой». Я предложила светлые тона, много текстиля, акценты из натурального дерева. Но что-то не складывалось. Центральная стена, где должен быть камин, никак не получалась гармоничной. Я перебирала варианты: камень, кирпич, штукатурка, крупноформатный керамогранит под мрамор. Ни один не давал того ощущения уюта, ко-

торое я хотела передать.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Иногда, когда я заходила в тупик, мне помогало отвлечься. Пойти на кухню, сделать чай, вымыть посуду — и решение приходило само собой. Сейчас я встала и, проходя мимо букета, снова остановилась. Взгляд упал на изгиб листа аспидистры, на то, как зелень обнимает белые бутоны. И вдруг я поняла, что мне нужно с камином. Не камень и не кирпич. А что-то более мягкое, более органичное. Керамическая плитка ручной формовки, с неровной глазурью, цвета слоновой кости — как эта лента на букете. И рядом — полка из массива дуба, с простыми, почти грубыми формами. Контраст фактур. Скандинавский минимализм с душой.

Я вернулась к ноутбуку и быстро набросала эскиз. Да, это было то. Я даже улыбнулась, довольная собой, и поймала себя на мысли, что идею мне подсказали лилии. Глупо, конечно, но приятно.

День шёл своим чередом. Я работала, периодически отвлекаясь на кофе и на то, чтобы переставить букет с места на место — он всё время казался мне слишком большим для кухни, потом слишком ярким для гостиной, потом слишком навязчивым для прихожей. В итоге я оставила его на обеденном столе, потому что именно там он смотрелся наиболее естественно, будто я ждала гостей. Хотя гостей я не ждала. Я вообще редко кого-то ждала.

Около двух часов дня позвонила мама. Я взяла трубку,

зная заранее, что разговор будет традиционным.

— Доченька, с праздником! — голос у мамы был бодрый, как всегда. — Ну что, кто-нибудь поздравил?

— Мама, привет. Спасибо. Да, поздравили, коллеги там...

— Я не про коллег. Мужчина какой-нибудь? Цветы пода-
рили?

Я посмотрела на букет и усмехнулась.

— Подарили.

— Ой, правда? — в мамином голосе зазвучало такое искреннее оживление, что мне стало немного стыдно. — Кто? Рассказывай!

— Не знаю. Анонимно.

— Как это — анонимно? — мама растерялась. — Цветы прислали, а кто — неизвестно?

— Да. Без открытки. Доставка утром.

— Ой, доченька... — мамин голос стал мечтательным. — Это же романтика! Тайный поклонник! Я в молодости тоже... Ты помнишь, папа мне однажды прислал...

— Мам, это, наверное, просто ошибка.

— Какая ошибка? — мама была непреклонна. — Если бы ошибка, то цветы были бы какие-нибудь обычные, а ты говоришь — огромный букет. Это серьезно. Может, это тот твой... как его... Андрей?

— Андрей сейчас с фитнес-тренершей.

— А Кирилл?

— Женат.

— А... ну, может, кто-то новый? Ты же у нас красивая, умная, хозяйственная. Почему бы и нет?

— Мама, не начинай.

— Я не начинаю, я просто... Дочка, тебе уже двадцать пять. Я не тороплю, но...

— Мама, я знаю. Всё хорошо. Я работаю, у меня есть планы.

— Планы — это хорошо, — вздохнула мама. — Но и о личном не забывай. Весна ведь. Самое время.

Мы поговорили ещё минут десять: о погоде, о здоровье, о том, что отец снова чинит машину в гараже и что тётя Света прислала фото своего нового внука. Я слушала вполуха, потому что мысли снова возвращались к букету. Мама права: весна, самое время. Но для меня весна всегда была временем не любви, а работы. Когда всё оживает, клиенты становятся активнее, новых проектов прибавляется, и я с головой ухожу в эти новые пространства, которые предстоит наполнить жизнью. Чужой жизнью. Моя собственная при этом оставалась где-то на периферии, тщательно спланированной и лишённой сюрпризов.

После звонка мамы я почувствовала лёгкую грусть. Не острую, а такую, тягучую, как этот лилейный аромат. Грусть по тому, чего у меня не было, но что, по мнению окружающих, должно было быть. По тому, что я сама, возможно, хотела бы иметь, но боялась признаться себе в этом.

Я снова подошла к букету. Он стоял на столе, белый, пыш-

ный, почти нахальный в своей красоте. Я протянула руку и осторожно коснулась лепестка. Прохладный, нежный. Живой. И в этом прикосновении было что-то интимное, будто я касалась не цветка, а чьих-то губ.

— Кто ты? — прошептала я в пустоту.

Букет молчал. Но где-то в глубине моего существа тихо, но уверенно пульсировало предвкушение. Оно было похоже на тот момент перед первым глотком хорошего вина, когда ты ещё не знаешь вкуса, но уже предчувствуешь удовольствие. Оно было похоже на весну, которая только что пришла и ещё не показала, что она может. Оно было похоже на надежду.

Я вернулась к работе, но теперь каждые полчаса поглядывала на телефон. Не потому, что ждала звонка — я не ждала. Просто в моей размеренной, контролируемой жизни появилась трещина, и сквозь неё просачивалось что-то, чему я пока не могла дать названия.

День тянулся медленно. Я закончила с эскизами, отправила их на согласование заказчикам, ответила на несколько рабочих писем. Потом приготовила себе лёгкий обед — салат и кусочек рыбы, как всегда, правильно, сбалансированно, без лишних калорий. Ела, глядя на букет, и чувствовала, что обычная еда сегодня кажется какой-то пресной. Может, потому, что я ела одна. А может, потому, что запах лилий заполнял всё пространство, и даже вкус еды казался чуть сладковатым, чуть более насыщенным, чем обычно.

После обеда я решила обратиться. Не потому, что было грязно — у меня всегда чисто, — а потому, что мне нужно было чем-то занять руки и голову. Я вытерла пыль, пропылесосила, переставила книги на полках, полола цветы — у меня были живые растения, несколько фикусов и суккулентов, которые не требовали много внимания. Всё это время я старалась не смотреть на букет, но он был везде. Его аромат следовал за мной из комнаты в комнату, напоминая о себе.

К вечеру я устала от собственных мыслей. Слишком много размышлений об одном и том же. Я включила телевизор, но не смотрела, просто чтобы в квартире был какой-то фоновый шум, кроме птиц за окном и этого сладкого, тяжёлого запаха.

И тогда случилось то, чего я не ожидала.

В дверь снова позвонили.

Моё сердце пропустило удар. Я посмотрела на часы — половина седьмого. Уже темнело, за окном зажглись фонари, и в сгущающихся сумерках моя квартира с её идеальным порядком и огромным букетом на столе казалась декорацией к какому-то фильму, где сейчас должно произойти что-то важное.

Я подошла к двери, снова глянула в глазок. На этот раз за дверью стоял не доставщик, а девушка в форме курьерской службы, с небольшой коробкой в руках.

Я открыла дверь.

— Эмилия Сергеевна? — спросила она.

— Да.

— Вам доставка. Распишитесь, пожалуйста.

Я взяла коробку. Она была увесистой, обёрнутой в крафтовую бумагу, с логотипом дорогого бутика, который я знала, потому что иногда проходила мимо него в центре, но никогда не заходила внутрь. Цены там были такими, что одна вещь стоила как мой арендный платёж за месяц.

— От кого? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Отправитель пожелал остаться неизвестным, — вежливо ответила курьер.

Я расписалась, закрыла дверь и прислонилась к стене спиной, держа коробку в руках. Сердце билось быстрее обычно. Это было уже не просто цветы. Это было продолжение.

Я прошла в гостиную, села на диван, поставила коробку перед собой на журнальный столик. Развязала ленту, сняла крышку. Внутри, на тонкой папиросной бумаге, лежало платье. Я вытащила его, и оно рассыпалось в моих руках невесомым облаком нежно-лавандового цвета. Шёлк, длинный, летящий, с открытой спиной и тонкими бретелями. Под ним — туфли на тонкой шпильке, того же оттенка, что и платье, и маленький конверт.

Я открыла конверт дрожащими пальцами. Внутри была карточка из плотного картона, на которой каллиграфическим почерком было выведено всего несколько слов:

«Жду вас сегодня в восемь. Ресторан «Весенняя терраса». Приходите, если готовы узнать правду».

Ни имени. Ни подписи. Ни номера телефона. Только приглашение.

Я смотрела на эти слова, и всё внутри меня сжималось и разжималось, как гармошка. Страх, любопытство, недоверие, надежда — всё смешалось в один тугой клубок, который я никак не могла распутать.

Платье на моих коленях было прекрасным. Я провела по нему рукой — шёлк струился, переливаясь в свете лампы. Оно было моим размером. Идеально. Кто-то знал не только мой адрес, но и мои параметры. Эта мысль была одновременно пугающей и... интригующей.

Я встала, подошла к зеркалу в прихожей, приложила платье к себе. Нежно-лавандовое, с мягкими складками, оно преображало меня даже вот так, в домашних джинсах и старой футболке. Я вдруг представила себя в нём: с распущенными волосами, в этих туфлях, входящую в ресторан. И сердце забилось ещё быстрее.

Ресторан «Весенняя терраса». Я слышала о нём. Это было одно из самых модных мест в городе, куда просто так не попасть — бронировать нужно за несколько недель, а цены там такие, что обычные смертные, вроде меня, предпочитают просто ставить лайки в мессенджере. И вот меня туда приглашают. Неизвестно кем. На условиях, которые я даже не могу проверить.

Разум кричал: не ходи. Это опасно. Ты не знаешь, кто это. Это может быть кто угодно — от сумасшедшего поклонни-

ка до розыгрыша. Ты дизайнер интерьеров, а не героиня любовного романа. Оставь платье в коробке, выброси карточку, забудь. И цветы выброси, в конце концов. Вернись в свою безопасную, контролируемую жизнь.

Но внутри меня что-то шептало: а что, если? Что, если это шанс? Что, если это тот самый момент, когда нужно рискнуть? Ты устала от предсказуемости, от одиночества, от того, что всё в твоей жизни идёт по плану, но план этот почему-то не делает тебя счастливой. Ты же чувствуешь это, правда? Иначе зачем ты смотрела на эти лилии весь день, зачем вдыхала их аромат, зачем ждала?

Я посмотрела на часы. Семь часов. До восьми оставался час. Час, чтобы принять решение, которое могло изменить всё или не изменить ничего.

Я вернулась в гостиную, села на диван, уставилась на коробку. Платье лежало рядом, переливаясь в вечернем свете. Туфли блестели лаком. Карточка с приглашением казалась такой безобидной, но в ней было что-то магнетическое, не отпускающее.

Я взяла телефон. Ленка ответила после второго гудка.

— Эмилия! Что там? Узнала, кто отправитель?

— Нет. Но мне только что принесли вторую доставку.

— Какую?! — Ленка почти кричала.

— Платье, туфли и приглашение в ресторан. На сегодня, на восемь.

В трубке повисла пауза. Я слышала, как Ленка перевари-

вает информацию.

— Ты шутишь? — наконец спросила она.

— Нет.

— И ты поедешь?

— Я не знаю. Я звоню, чтобы ты сказала мне, что это безумие.

— Эмилия, это безумие, — послушно сказала Ленка, но в голосе её слышалась улыбка. — Это самое безумное, что могло случиться в твоей жизни за последние три года. Поэтому, конечно, ты поедешь.

— Лена, я серьёзно. Я не знаю, кто это. Это может быть опасно.

— А может быть, это самый романтичный вечер в твоей жизни. Слушай, если бы кто-то хотел тебе навредить, он бы не тратил столько денег на цветы и дизайнерское платье. Это явно человек, который хочет произвести впечатление. И, судя по всему, у него это получается.

— Или это кто-то из моих бывших, кто хочет меня унижить.

— Какие бывшие? Твой бывший — Андрей, который считает, что романтика — это орхидея в горшке. А это, прости, уровень намного выше. Так что отбрось паранойю. Надень платье, возьми такси и поезжай. Хотя бы для того, чтобы узнать, кто этот таинственный поклонник. А если что — звони мне, я приеду и набью ему морду. Или хотя бы вызову полицию.

Я невольно улыбнулась. Ленка умела разрядить обстановку.

— Ты правда думаешь, что мне стоит пойти?

— Эмилия, послушай меня. Ты уже три года сидишь в своей идеальной квартире с идеальным ремонтом и ждёшь, что счастье само придёт и постучится. Оно постучалось! Буквально! И ты хочешь не открыть? Давай, собирайся. И потом всё расскажешь. Я буду ждать.

Я вздохнула.

— Ладно.

— Умница! И помни: ты красивая, ты смелая, и если этот тип окажется маньяком — у тебя есть острые шпильки. Отпишись потом!

Ленка отключилась, а я осталась сидеть, глядя на платье. Решение было принято. Я пойду.

Странное спокойствие снизошло на меня. Страх никуда не делся, но к нему примешивалось что-то ещё — азарт, предвкушение, даже какое-то озорство, которого я в себе давно не замечала. Я представила, как завтра расскажу Ленке: «А я взяла и пошла». Как маме: «Мне прислали платье и пригласили в ресторан». Даже если это окажется ошибкой, даже если это будет разочарованием — это будет история. А в моей жизни давно не было историй, достойных того, чтобы их рассказывать.

Я взяла платье и пошла в спальню. Надела его, застегнула тонкую молнию на спине, поправила бретели. Посмотрела в

зеркало и замерла.

На меня смотрела незнакомка. Та, которая не ходит в джинсах и свитерах, не застёгивает свою жизнь на все пуговицы. Та, которая умеет быть женственной, уязвимой, желанной. Лавандовый шёлк облегал фигуру, открывал плечи, струился при каждом движении. Я распустила волосы, и они упали на плечи светлой волной. Надела туфли — они оказались точно впору, будто сняли мерку. Я стояла перед зеркалом, и в моих глазах горел тот самый огонёк, который я привыкла гасить рациональностью.

Я не знала, кто меня ждёт. Я не знала, что скажу, когда увижу этого человека. Я не знала, чем закончится этот вечер. Но я знала одно: я готова узнать правду.

До восьми оставалось полчаса. Я накинула плащ, взяла сумочку, в последний раз посмотрела на букет лилий, всё ещё стоящий на столе. В вечернем свете они казались ещё более белыми, почти светящимися. Я улыбнулась им, как старым знакомым, и вышла из квартиры.

За окном уже совсем стемнело, но весенний воздух был наполнен тем особенным запахом — талым снегом, влажной землёй и чем-то ещё, неуловимым, как надежда. Я поймала такси, назвала адрес ресторана, и машина плавно влилась в вечерний поток.

Сидя на заднем сиденье, я смотрела на огни города, которые зажигались один за другим, и чувствовала, как внутри меня разрастается то самое предвкушение, которое просну-

лось сегодня утром вместе с запахом лилий. Оно было уже не робким, не тихим. Оно было полным, почти оглушающим, и я перестала с ним бороться.

Пусть будет что будет, подумала я. Весна пришла. И сегодня — мой день. Неважно, кто меня ждёт в этом ресторане. Важно, что я, Эмилия, которая так долго пряталась за фасадом правильной жизни, наконец решилась на авантюру. На маленькое безумие. На чудо, пусть даже оно окажется не тем, чем кажется.

Такси остановилось у здания с огромными стеклянными витринами, за которыми угадывался мягкий свет и зелень. Я вышла, поправила плащ, глубоко вздохнула. Аромат лилий всё ещё чувствовался на коже, смешиваясь с весенней свежестью.

— Я готова, — сказала я тихо самой себе и вошла внутрь.

Там, за этими дверями, меня ждала правда. И я была готова узнать её, какой бы она ни оказалась.

В конце концов, весна — время, когда даже самые осторожные сердца распускаются, как бутоны. А я всегда любила цветы.

Глава 1

Утро понедельника встретило меня серым небом и противным мокрым снегом, который, казалось, издевался над моими вчерашними весенними настроениями. Я стояла у окна своей квартиры, сжимая в руках чашку кофе, и смотрела, как хлопья падают на ещё не просохший асфальт, тают и превращаются в грязную кашу. Март в этом городе всегда был непредсказуем: вчера светило солнце и пели птицы, сегодня — всё затянуло тучами, будто кто-то нажал кнопку отмены весны.

Букет лилий всё ещё стоял на обеденном столе. За ночь он не завял, даже не примялся — белые бутоны смотрели на меня с той же загадочной настойчивостью, с какой встречали вчера утром. Я уже привыкла к их запаху, он стал частью моей квартиры, как запах кофе или моих духов. Но привычка не убила вопроса, который всю ночь крутился в голове, не давая уснуть.

Кто?

Я легла вчера за полночь, но так и не смогла найти ответ. Ресторан «Весенняя терраса» остался в моей памяти как вспышка: свет, музыка, запах цветов и зелени, и... я не пошла. Нет, я подошла к входу, взялась за ручку двери, но так и не переступила порог. Стояла под козырьком, смотрела на отражение в стеклянных дверях — незнакомку в лаван-

довом платье, с распущенными волосами и горящими глазами — и чувствовала, как страх перевешивает любопытство. В последний момент я развернулась, поймала такси и уехала домой. Дома сняла платье, аккуратно повесила его в шкаф, спрятала туфли в коробку, а приглашение положила под стопку книг. И всю ночь ворочалась, прокручивая в голове сценарии того, что могло бы случиться, если бы я вошла.

Трусость? Осторожность? Я не знала. Знала только, что сегодня утром смотрю на лилии и чувствую одновременно облегчение и острую, почти физическую жалость к себе. Я упустила что-то. Может быть, важное.

Телефон на столе мигнул напоминанием: «10:00 — встреча с клиентом». Я вздохнула, допила кофе и пошла собирать-ся. Работа, по крайней мере, оставалась надёжным якорем. В мире, где неизвестные поклонники присылают лилии и приглашения в модные рестораны, работа была единственным, что я могла контролировать.

Я надела тёмно-синюю блузу, прямые брюки, туфли на устойчивом каблуке — свою обычную униформу дизайнера, который хочет выглядеть профессионально, но не вызывающе. Волосы собрала в низкий пучок, макияж сделала минимальным. В зеркало смотрела уже знакомая Эмилия: собранная, спокойная, надёжная. Та, что проектирует чужие гостиные и спальни, но свою личную жизнь оставляет пустой, как необжитую квартиру.

Перед выходом я всё-таки остановилась у букета. Протянула руку, коснулась прохладного лепестка.

— Кто ты? — спросила в который раз.

Цветы молчали. Но где-то в глубине моей сумки лежала визитка службы доставки, которую я предусмотрительно взяла вчера, когда расписывалась за цветы. Я решила, что сегодня же позвоню и выясню, кто заказчик. В конце концов, это моё право — знать, кто тратит такие деньги на моё утреннее настроение.

Выходя из подъезда, я попала под мокрый снег. Он таял на лице, забирался за воротник пальто, заставлял щуриться. Я поймала такси и назвала адрес нашей студии. Машина нырнула в утренний поток, а я достала телефон и набрала номер, указанный на визитке.

— Служба доставки «Флора-Люкс», добрый день, — ответил приятный женский голос.

— Здравствуйте, меня зовут Эмилия Соболева. Вчера, восьмого марта, мне доставили букет от вас. Я хотела бы узнать, кто отправитель.

— Одну минуту, я проверю.

Я ждала, слушая, как пальцы оператора стучат по клавиатуре. За окном такси мелькали мокрые улицы, витрины магазинов, люди с зонтами. Обычный понедельник.

— Соболева Эмилия Сергеевна, адрес такой-то, верно?

— Да.

— Букет из одиннадцати белых лилий с аспидистрой и

эвкалиптом, стоимость... — она запнулась. — К сожалению, я не могу предоставить информацию об отправителе. Заказ был оформлен как анонимный.

— Но вы же видите, кто оплатил? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Мне не нужно имя, просто...

— Понимаю ваше любопытство, — вежливо перебила оператор. — Но политика нашей компании гарантирует анонимность, если клиент этого пожелал. Я не имею права разглашать данные.

— Даже если я получатель?

— Даже в этом случае. Единственное, что я могу сказать — заказ был оформлен заранее, через сайт, оплата банковской картой. Всё, что мне доступно в системе.

Я сжала телефон сильнее.

— А если это не ошибка? Если этот человек ошибся адресом?

— Заказ был оформлен именно на ваше имя и адрес. Ошибка исключена.

Я помолчала, переваривая.

— Спасибо, — сказала наконец и отключилась.

Откинулась на сиденье, глядя в потолок такси. Ничего. Даже намёка. Кто-то, кого я не знаю или не хочу знать, заплатил приличную сумму за то, чтобы я проснулась в женский день с цветами, и при этом сделал всё, чтобы остаться в тени. Зачем? Что это — романтический жест, розыгрыш,

проверка? И почему я, человек, который привык всё контролировать и знать наперёд, оказалась в ситуации, где у меня нет ни единой зацепки?

Такси остановилось у сталинского дома с высокими арками, в котором наша студия занимала второй этаж. Я расплатилась, вышла, поправила пальто и поднялась по широкой лестнице, мимо лепнины и тяжёлых дверей. Наша дверь была из тёмного дуба, с латунной табличкой: «Студия дизайнеров Soboleva & Partners». Партнёров, правда, у меня не было — название придумала ещё в институте, мечтая о большом бизнесе, а теперь просто не хотелось переделывать вывеску. Я работала одна, но нанимала фрилансеров для крупных проектов, и клиентам нравилась иллюзия солидной компании.

Внутри пахло деревом, кофе и чем-то ещё — возможно, новыми образцами обоев, которые прислали на прошлой неделе. Студия была моей гордостью: просторное помещение с высокими окнами, выходящими во двор, где росли старые липы. Я сделала здесь ремонт сама — конечно, кто же ещё? — выбелила кирпичные стены, положила паркетную доску, расставила мебель из итальянского каталога, который обычно показывала клиентам. В углу стоял мой рабочий стол — огромный, из массива, с настольной лампой с медным абажуром. На стеллажах — папки с проектами, каталоги, образцы тканей и несколько дизайнерских безделушек, которые я коллекционировала. Всё красиво, всё со вкусом, всё

на своих местах.

Как и моя жизнь.

Я сняла пальто, повесила его на вешалку, включила свет и музыку — тихий джаз, который обычно создавал нужное настроение. На столе меня ждал ноутбук, стопка эскизов и сообщение от Ленки в мессенджере: «Ну что, героиня? Рассказывай! Ты ходила вчера?»

Я поморщилась. Ленке я не написала, потому что не знала, что сказать. Что я струсилась и вернулась домой, просидев весь вечер в одиночестве и пялясь в потолок? Что вместо тайны предпочла безопасность? Что в свои двадцать пять я так и не научилась рисковать даже ради приключения, которое само постучалось в дверь?

Я отложила ответ, решив, что разберусь позже. Сейчас нужно было подготовиться к встрече с клиентом.

Клиентка, Елена Викторовна, должна была прийти в одиннадцать. Мы работали над проектом её загородного дома уже второй месяц, и каждый раз она приносила новые пожелания. Сначала хотела классику, потом — лофт, потом — «что-то эклектичное, но с душой». Я уже набросала три варианта гостиной, и сегодня мы должны были утвердить финальный.

Я разложила на столе образцы, открыла на ноутбуке 3D-визуализацию, поправила свет. Всё должно быть идеально. В работе я позволяла себе только идеал.

Ровно в одиннадцать раздался звонок в дверь. Я открыла

— на пороге стояла Елена Викторовна, женщина лет пятидесяти, в дорогом пальто и с неизменной улыбкой человека, который привык, что всё делается по её желанию.

— Эмилия, здравствуйте! — она шагнула внутрь, снимая перчатки. — Извините, что без цветов, утро такое суматошное. С праздником вас, кстати, с прошедшим!

— Спасибо, Елена Викторовна, — я помогла ей снять пальто. — Проходите, я приготовила варианты.

Она прошла в зал, села на диван, который я специально поставила так, чтобы открывался лучший вид на доску с эскизами. Я включила проектор, начала показывать визуализации.

— Вот первый вариант: скандинавский минимализм, светлые тона, акцент на текстиль. Второй: более тёплый, с кирпичной кладкой и деревом. И третий — тот, который я сделала вчера, с керамической плиткой ручной формовки и дубовой полкой. Мне кажется, он лучше всего сочетается...

— Эмилия, — перебила меня Елена Викторовна, — а что это у вас за цветы? — она кивнула на угол, где на тумбочке стояла ваза с небольшим букетом тюльпанов — я купила их по дороге, чтобы скрасить серый понедельник.

— Тюльпаны, — растерянно сказала я.

— Нет, вон те, — она указала на мой стол.

Я обернулась. На краю стола, куда я их поставила утром, когда пришла, стояли те самые лилии. Я принесла их с собой? Нет, я их не брала. Я оставила букет дома. Значит, это...

Я подошла к столу. В прозрачной вазе стояли три белых лилии — не одиннадцать, как в том букете, а три. И не мои. Я наклонилась, вдохнула аромат — тот же, тяжёлый, сладкий. Рядом с вазой лежала маленькая карточка, каких я утром не видела. На ней каллиграфическим почерком было выведено: «Вы не пришли. Эти — для смелости».

Моё сердце пропустило удар.

— Эмилия? — голос Елены Викторовны донёлся словно издалека.

— Простите, — я постаралась взять себя в руки. — Это... просто подарок от знакомых. Давайте вернёмся к проекту.

Я силой заставила себя сосредоточиться, но мысли разбегались. Кто-то был здесь. Кто-то зашёл в мою студию, пока меня не было, поставил цветы и оставил записку. Утренняя дверь была заперта, я помню. Значит, у этого человека есть ключ? Или он договорился с администратором здания? Или...

— Эмилия, вы меня слышите? — Елена Викторовна смотрела на меня с лёгким беспокойством.

— Да, простите, я... немного не выспалась. Повторите, пожалуйста, про камин.

Она повторила, я кивала, делала пометки, показывала образцы. Всё автоматически, потому что мозг лихорадочно работал над другой задачей. Кто? Как? Зачем? И главное — откуда этот человек знает, где я работаю? Запись «Соболева & Partners» есть в открытых источниках, адрес студии ука-

зан на сайте. Но чтобы зайти внутрь, нужно было пройти через дверь с кодовым замком. Код знали только я и уборщица, которая приходила по вечерам. Я давала его нескольким фрилансерам, но они пользовались им редко.

Встреча с Еленой Викторовной закончилась через час. Она выбрала третий вариант, с керамической плиткой, и ушла, оставив меня наедине с тремя лилиями и карточкой.

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. Потом подошла к столу, взяла карточку. Та же бумага, что и вчера, тот же почерк. Каллиграфический, с лёгким наклоном, мужской — я почему-то была уверена, что это мужчина.

«Вы не пришли. Эти — для смелости».

Я перечитала несколько раз. Значит, он знает, что я вчера не пришла в ресторан. Он ждал. И вместо того чтобы обидеться или исчезнуть, он нашёл меня на работе и оставил ещё цветы. Три лилии. Меньше, чем одиннадцать, но более личные. Без пафоса, без курьера — просто поставлены на стол, пока меня не было.

Это было одновременно пугающим и... трогательным. Кто-то так настойчиво пытается привлечь моё внимание, что готов проникнуть в мою студию, чтобы оставить послание. Настойчивость граничила с одержимостью, но в ней было что-то старорежимное, почти галантное. Не эсэмэска, не звонок — цветы и записка, как в прошлом веке.

Я взяла телефон и наконец ответила Ленке: «Приезжай в студию, если можешь. Расскажу. Нужен совет».

Ленка примчалась через сорок минут, ворвавшись в студию как ураган — в ярко-красном пальто, с мокрыми от снега волосами и огромной кружкой кофе в руках.

— Рассказывай! — потребовала она, плюхаясь на диван. — Я уже с ума сошла! Ты ходила в ресторан? Кто был тайный поклонник? Почему молчала?

Я села напротив, поджав ноги.

— Я не ходила.

— Как это — не ходила? — Ленка вытаращила глаза.

— Так. Подошла к ресторану, постояла, испугалась и уехала.

Ленка смотрела на меня с таким выражением, будто я призналась, что съела котёнка.

— Эмилия! Ты... ты что, с ума сошла? Тебе присылают платье от кутюр, туфли, приглашение в ресторан, а ты... не пошла?

— Испугалась.

— Чего?

— Всего. Что это розыгрыш. Что там окажется бывший, который хочет унижить. Что это вообще какой-то псих.

— И поэтому ты решила остаться дома с лилиями и чувством собственной правоты?

— Я не чувствую правоты, — призналась я. — Я чувствую себя душой.

— Правильно, — кивнула Ленка. — Потому что это было глупо. Но ладно, — она махнула рукой. — Что случилось

потом? Ты же не просто так меня вызвала.

Я показала на цветы на столе.

— Вот.

Ленка посмотрела на три лилии, потом на меня.

— Ещё цветы?

— Кто-то зашёл в студию сегодня утром, пока меня не было, и поставил их. С запиской.

Я протянула карточку. Ленка прочитала, присвистнула.

— Ого. Он знает, где ты работаешь. И у него есть доступ.

— Или он договорился с администратором, — сказала я.

— Или просто подождал, пока кто-то откроет дверь. Здесь же офисный центр, люди ходят.

— Но он знает, что ты не пришла в ресторан. Он тебя видел? Ждал?

— Не знаю. Возможно.

Ленка откинулась на диван, задумчиво крутя карточку в руках.

— Слушай, это уже не просто романтика. Это... настойчивость. Человек явно настроен серьёзно. Ты совсем не представляешь, кто это может быть?

— Я весь вчерашний день перебирала. Андрей — нет, он сейчас с другой. Кирилл — женат. Игорь — друг, он бы так не стал.

— А клиенты?

— Клиенты все семейные, я проверяла. И потом, зачем клиенту анонимность?

— Может, кто-то тайно влюблён? Может, из тех, кого ты видишь каждый день? Продавец в кофейне, сосед, фитнес-тренер?

— Я хожу в кофейню мимо дома, там девушка работает. Соседи — дядя Витя снизу, ему семьдесят, и девушка из стопятой, у неё парень. В фитнес я не хожу.

— А из прошлого? Школа, институт?

Я задумалась.

— Из школы... я ни с кем не общаюсь. Из института — мы с тобой, и ещё пара человек, но они все в отношениях. И никто из них не стал бы тратить такие деньги.

— А может, это кто-то, с кем у тебя были сложные отношения? Кто хотел бы извиниться?

В голове мелькнуло что-то, но я отогнала. Нет. Не может быть.

— Не знаю, — сказала я.

Ленка посмотрела на меня с прищуром.

— Ты что-то вспомнила?

— Нет. Ничего.

— Врёшь.

— Лена, оставь. Я правда не знаю. И это меня бесит. Я не привыкла быть в неведении.

— Вот именно, — Ленка подалась вперёд. — Ты не привыкла. Ты всё контролируешь, всё планируешь, всё раскладываешь по полочкам. А тут — ситуация, где у тебя нет рычагов. И это тебя пугает больше, чем сам поклонник. Потому

что ты не можешь просчитать исход.

Я промолчала. Она была права.

— Эмилия, — Ленка взяла меня за руку. — Может, это шанс? Перестать всё контролировать хотя бы на время? Посмотреть, что будет? Ты же умная девушка, если что — отобьешься. Но вдруг это что-то настоящее?

— Или очередной мужчина, который хочет «завоевать» и бросить.

— А ты не думай о конце. Думай о начале. О цветах, о внимании, о том, что кто-то старается ради тебя. Когда в последний раз кто-то ради тебя старался?

Я задумалась. После Андрея — никто. Да и Андрей старался только в первые полгода, пока не понял, что я не собираюсь соответствовать его картинке.

— Давно, — признала я.

— Вот. Поэтому не строй из себя сыщика. Прими цветы, прими внимание. И если будет следующее приглашение — иди. Не будь дурой.

Я посмотрела на три лилии в вазе. Они были меньше вчерашнего букета, но почему-то казались более значимыми. Может, потому, что их оставили лично, без курьеров и накладных. Может, потому, что записка была обращена прямо ко мне.

— А как же работа? — слабо возразила я.

— Работа никуда не денется. А такие приключения — редкость. Тем более весной. Весной вообще положено влюб-

ляться и делать глупости.

Я усмехнулась.

— Ты у нас эксперт по весенним глупостям?

— Ещё какая, — Ленка подмигнула. — И знаешь, ни разу не пожалела. Даже те, что заканчивались плохо, помню с улыбкой. А ты свои «правильные» отношения помнишь с улыбкой?

Я промолчала. Андрея я вспоминала с облегчением, что он ушёл. Кирилла — с сожалением, что вообще связалась. До них — вообще нечего вспоминать.

— Вот видишь, — сказала Ленка. — Рискни. Хотя бы раз.

Она ушла через полчаса, оставив меня с тремя лилиями и кучей мыслей. Я сидела за столом, смотрела на цветы и перебирала в голове мужчин, которые могли бы это сделать. Но список был пуст.

После обеда в студию заглянула Марина — моя фрилансерка-визуализатор, с которой мы работали над несколькими проектами. Она пришла обсудить рендеры для нового заказа и сразу заметила цветы.

— Ой, какие красивые! — воскликнула она, подходя к столу. — Лилии? Это тебе?

— Да, — сказала я, не вдаваясь в подробности.

— От кого?

— Не знаю. Анонимно.

Марина, девушка лет двадцати трёх, с короткой стрижкой и вечной улыбкой, тут же оживилась.

— Анонимный поклонник? Это же так романтично! А ты что, совсем не представляешь?

— Никак, — я пожала плечами, стараясь говорить равнодушно.

— Ой, а у меня подруге тоже анонимно цветы присылали, потом оказалось — её начальник, у которого жена беременна, — Марина хихикнула. — Но твои, наверное, от кого-то приличного. Смотри, какие дорогие.

— Откуда знаешь, что дорогие? — спросила я.

— Ну, я во флористике немного разбираюсь. Лилии эти — сорт «Касабланка», очень дорогой. И аспидистра вон какая. Такой букет в тридцатку точно встанет.

Я присвистнула про себя. Тридцать тысяч за цветы? Это уже не просто жест, это заявка.

— И записка есть? — Марина заглядывала на стол.

— Была, — я убрала карточку в ящик, не желая показывать.

— А ты что, не ответила? — удивилась Марина.

— Не на что отвечать. Я не знаю, кто это.

— Ну, если он так настойчив, даст знать. Может, пригласит куда-то?

Я вспомнила вчерашнее приглашение в ресторан, которое проигнорировала, и почувствовала укол совести.

— Может быть, — сказала я.

Марина ещё немного посплетничала, но я перевела разговор на работу. Мы отсмотрели рендеры, внесли правки, и

она ушла.

Я осталась одна. Студия постепенно погружалась в сумерки, за окнами зажглись фонари, мокрый снег сменился дождём. Я сидела за столом, смотрела на три лилии и думала.

Кто этот человек? Зачем он это делает? Чего он ждёт?

И главное — почему я, вместо того чтобы радоваться, испытываю такой дискомфорт? Любая другая девушка на моём месте была бы в восторге: тайный поклонник, дорогие цветы, приглашения. А я сижу и анализирую, ищу подвох, перебираю бывших, которые ни один не подходит.

Может, Ленка права? Может, я настолько привыкла всё контролировать, что не могу принять подарок судьбы, не попытавшись его просчитать? Может, в этом и есть моя проблема — я боюсь неизвестности, боюсь потерять контроль, боюсь, что если пустить что-то в свою жизнь без предварительного анализа, это разрушит ту хрупкую гармонию, которую я выстроила.

Я взяла телефон, открыла галерею и нашла вчерашнее фото — я сделала селфи в лавандовом платье перед зеркалом, когда собиралась в ресторан. Посмотрела на себя: глаза горят, губы тронуты улыбкой, волосы распущены. Та Эмилия, которая была готова на авантюру. Которая почти решилась.

Куда она делась сегодня? Зарылась в рабочие эскизы и образцы, спряталась за списки бывших и сомнения?

Я убрала телефон, встала, подошла к окну. Дождь барабанил по стеклу, заливал двор, превращая его в зеркальную

гладь с отражениями фонарей. Весна в этом городе была капризной, но именно за это её любили — она никогда не была предсказуемой.

Может, и мне стоит быть чуть менее предсказуемой?

Я вернулась к столу, взяла карточку с надписью «Эти — для смелости» и перечитала её в десятый раз. Потом открыла ноутбук, нашла в закладках сайт ресторана «Весенняя терраса» и посмотрела меню, фото залов, отзывы. Красиво. Дорого. Романтично.

Я представила, что было бы, если бы я вчера вошла. Свет, музыка, запах цветов. За столиком — мужчина, который встаёт при моём появлении. Кто он? Я не знаю. Но в этом «не знаю» было что-то освобождающее. Не нужно готовиться, не нужно играть роль, не нужно быть идеальной. Можно просто быть собой.

Может, он даст мне ещё один шанс.

Я закрыла ноутбук, собрала вещи, выключила свет. На прощание посмотрела на лилии. Завтра они, возможно, начнут вянуть, но сегодня они были прекрасны.

Выходя из студии, я заметила, что на коврике у двери лежит маленький конверт. Я нагнулась, подняла. Внутри оказалась карточка, такая же, как вчера, с тем же почерком:

«Завтра. 19:00. Тот же ресторан. Не заставляйте меня ждать снова».

Я прижала карточку к груди и, кажется, улыбнулась. Впервые за весь этот долгий, серый, полный сомнений день.

Не заставлю, подумала я. Завтра я приду.

Глава 2

Следующие сутки я прожила в состоянии, которое лучше всего описывалось словом «подвешенность». Как будто я не шла по земле, а парила в нескольких сантиметрах над ней, чувствуя под ногами вместо твёрдой опоры зыбкий весенний воздух. Всё, что я делала — работала, ела, разговаривала с клиентами по телефону, — казалось мне чем-то второстепенным, фоном, за которым скрывалось главное.

А главное должно было случиться сегодня.

Я проснулась в семь утра, хотя будильник стоял на восемь, и долго лежала, глядя в потолок. За окном снова светило солнце — мартовское, яркое, но ещё не тёплое. Его лучи падали на пол, на стены, на тот самый букет лилий, который всё ещё стоял на обеденном столе. Цветы начали увядать: края лепестков чуть пожелтели, аромат стал менее резким, более горьковатым. Я должна была их выбросить, но рука не поднималась. Они были частью этой истории, и пока они стояли здесь, история не заканчивалась.

Я встала, налила кофе, включила музыку. Обычный утренний ритуал, но сегодня каждое движение давалось с трудом, потому что мысли всё время возвращались к вечеру. К ресторану. К тому, кто меня там ждёт. К фразе на карточке: «Приходи, если готова узнать правду».

Готова ли я?

Этот вопрос мучил меня всю ночь. Я перебирала варианты, прикидывала, что могло бы скрываться за этим словом — «правда». Правда о чём? О том, кто прислал цветы? О том, почему он выбрал именно меня? Или о чём-то более глубоком, что изменит мою жизнь?

Моё воображение, обычно послушное и упакованное в рамки рабочих эскизов, сегодня разыгралось не на шутку. Я представляла, что прихожу в ресторан, а там сидит мужчина моей мечты — высокий, темноволосый, с пронзительным взглядом, который смотрит на меня так, будто ждал всю жизнь. Потом представляла, что это оказывается Андрей, который решил вернуться, и меня передёргивало от отвращения. Потом — что это вообще женщина, и я не знала, что хуже: быть объектом мужского интереса или женского. Потом — что за столиком меня ждёт пустота, и это был просто розыгрыш, чтобы я пришла и сделала из себя дуру.

К десяти утра я так накрутила себя, что едва не позвонила Ленке и не сказала, что передумала. Но вовремя вспомнила карточку, которую нашла в студии: «Не заставляйте меня ждать снова». Кто-то ждал меня вчера. Кто-то расстроился, что я не пришла. Кто-то всё равно прислал цветы и дал второй шанс. Если я не приду сегодня, этот кто-то, возможно, исчезнет навсегда. И я так и не узнаю правду.

Я решила, что пойду. И решила, что больше не буду об этом думать до вечера.

Рабочий день прошёл как в тумане. Я встречалась с за-

казницей по проекту загородного дома, обсуждала детали с подрядчиками, правила эскизы. Но всё это я делала механически, потому что голова была занята другим. Каждые полчаса я смотрела на часы и пересчитывала, сколько осталось до семи.

В четыре я не выдержала и ушла из студии раньше обычного. Сказала себе, что нужно подготовиться, но на самом деле просто не могла больше сидеть на месте. Выйдя на улицу, я поймала такси и назвала адрес дома.

По дороге я заметила, что город преобразился. Снег, который вчера заливал улицы грязной кашей, почти растаял, оставив после себя влажный, блестящий асфальт. На деревьях набухли почки — я не заметила их вчера, но сегодня они были видны отчётливо, маленькие зелёные точки на серых ветках. Воздух пах весной — той самой, настоящей, которую невозможно спутать ни с чем. Запахом оттаявшей земли, сыростью и чем-то сладким, неуловимым.

Водитель такси, пожилой мужчина с усами, бросил взгляд в зеркало заднего вида.

— На свидание, что ли, собираетесь? — спросил он с лёгкой усмешкой.

Я удивилась:

— Почему вы так решили?

— Ну, лицо у вас такое... счастливое и испуганное одновременно. У моей дочки такое же было, когда она первый раз на свидание собиралась. Тоже в такси ехала, вся извелась.

Я невольно улыбнулась.

— Наверное, вы правы. На свидание.

— Ну и правильно, — кивнул водитель. — Весна, молодость... Надо пользоваться. А то потом поздно будет. Моя жена, царствие ей небесное, всегда говорила: «Митя, пока глаза горят, надо жить, а не существовать». Вот я и живу. Вам того же желаю.

Я поблагодарила, вышла из машины и поднялась в квартиру.

Дома меня ждала тишина. И лилии. И коробка.

Коробка стояла на пороге, прямо перед дверью. Я споткнулась о неё, когда вошла, и чуть не упала. Большая, плоская, перевязанная атласной лентой цвета слоновой кости. Такая же, как в прошлый раз, но я знала, что внутри не может быть того же. Тот вечер прошёл, тот шанс я упустила. Это — новый.

Я закрыла дверь, поставила коробку на журнальный столик и долго смотрела на неё, не решаясь открыть. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели. Я чувствовала себя девочкой-подростком, которая впервые получила подарок от мальчика, который ей нравится. Глупое, почти забытое чувство, смесь страха и восторга.

Я сняла ленту, подняла крышку.

Внутри, на тонкой папиросной бумаге, лежало платье. Не то же самое, что в прошлый раз. Другое. Тоже нежно-лавандовое, но другой фасон — более закрытое, с длинными ру-

кавами и глубоким вырезом на спине. Шёлк, струящийся, переливающийся при свете. Под ним — туфли, такие же, как в прошлый раз, но на более устойчивом каблуке. И маленький конверт.

Я открыла конверт дрожащими пальцами. Карточка, каллиграфический почерк:

«Жду. Приходи, если готова узнать правду».

Всё. Ни имени, ни намёка. Только это.

Я перечитала фразу раз пять, пока слова не начали расплываться перед глазами. «Приходи, если готова узнать правду». Значит, правда существует. И я должна быть готова её услышать.

А если я не готова? Если правда окажется слишком тяжёлой, слишком неожиданной, слишком... личной? Если этот человек скажет то, что я не смогу принять? Или, что ещё страшнее, то, что я смогу?

Я взяла платье в руки. Шёлк был прохладным и гладким, как вода. Я провела по нему пальцами, чувствуя, как ткань струится, обтекает ладонь. Оно было моим размером. Идеально моим. Как будто тот, кто его выбирал, знал меня лучше, чем я сама. Знал, что в прошлый раз платье с открытыми плечами меня смутило. Знал, что я предпочту что-то более закрытое, но с изюминкой — глубокий вырез на спине, который виден только тогда, когда я поворачиваюсь. Знал, что я люблю лавандовый, но не кричащий, а приглушённый, нежный.

Кто этот человек? Как он так хорошо меня знает?

Я повесила платье в шкаф, поставила туфли рядом, а сама пошла в ванную. Нужно было собраться, но я не знала, с чего начать. В прошлый раз я действовала импульсивно: надела платье, распустила волосы, накрутила и поехала. Сегодня всё было иначе. Сегодня я чувствовала, что от этого вечера зависит что-то большее. Что это не просто свидание с незнакомцем, а момент, который может изменить мою жизнь. Или не изменить. В зависимости от того, что я узнаю.

Я встала под душ, позволила горячей воде смыть напряжение дня. Закрыла глаза, представила, как вода стекает по лицу, по плечам, по спине, унося с собой страхи и сомнения. Я выходила из воды обновлённой, как после долгого сна.

Завернувшись в махровую простыню, я подошла к зеркалу. На меня смотрела женщина с мокрыми волосами, без макияжа, с покрасневшими от горячей воды щеками. Обычная женщина. Та, которая каждый день ходит на работу, пьёт кофе по утрам, спорит с подрядчиками и переживает из-за сроков сдачи проектов. Но сегодня в её глазах горел тот самый огонёк, о котором говорил таксист. Огонёк надежды.

Я решила, что не буду торопиться. Сделала макияж — не яркий, но выразительный: стрелки, которые подчёркивают разрез глаз, нежно-розовые тени, лёгкий блеск для губ. Волосы оставила распущенными, только чуть подкрутила концы утюжком, чтобы они лежали мягкими волнами. Потом открыла шкаф и достала платье.

Надевать его было волнительно. Шёлк скользил по телу, облегал плечи, талию, бёдра. Я застегнула мелкие пуговицы на спине — они шли от выреза и почти до пояса, оставляя открытой кожу. Повернулась к зеркалу, посмотрела на себя со спины. Глубокий вырез спускался почти до поясницы, открывая позвонки и лопатки. Это было красиво. И смело. Смелее, чем я обычно позволяла себе.

Я надела туфли — они оказались удобнее, чем я ожидала, каблук устойчивый, нога не скользит. Встала перед зеркалом во весь рост.

Передо мной стояла незнакомка. Не Эмилия, дизайнер интерьеров, которая прячет эмоции за профессиональной маской. Не дочь, которая оправдывает мамины ожидания. Не подруга, которая слушает Ленкины истории о любви и делает вид, что ей это не нужно.

Передо мной стояла женщина, которая была готова на риск. Которая шла на свидание с неизвестностью. Которая хотела узнать правду, какой бы она ни оказалась.

Я улыбнулась своему отражению, и оно улыбнулось мне в ответ.

В сумочку я положила только самое необходимое: телефон, помаду, ключи. И карточку с приглашением. Почему-то мне казалось, что она должна быть со мной, как пропуск в этот вечер.

Перед выходом я остановилась у букета лилий. Они всё ещё стояли на столе, увядающие, но всё ещё красивые. Я кос-

нулась лепестка, шепнула: «Спасибо тебе». За то, что всё началось.

И вышла.

Такси я заказала заранее. Машина ждала у подъезда, и, когда я села на заднее сиденье, водитель — молодой парень в кепке — бросил на меня взгляд в зеркало и сказал:

— Красивое платье. На свидание?

Я снова улыбнулась.

— Да.

— Ну, тогда удачи вам, — он завёл двигатель. — В такой-то день грех не верить в чудеса.

— Какой день? — не поняла я.

— Восьмое марта всё-таки. Или вы забыли?

Я посмотрела на календарь в телефоне. Восьмое марта. Тот самый день, когда всё началось. Неужели прошло уже несколько дней? Мне казалось, что целая вечность.

— Не забыла, — тихо сказала я. — Просто... много всего.

— Ну, значит, судьба, — философски заметил водитель. — В такой день и такие дела решаются.

Я не ответила, уставившись в окно. Город проплывал мимо, украшенный вечерними огнями. Витрины магазинов горели тёплым светом, на улицах было много людей — пары, компании, женщины с букетами цветов. Все куда-то спешили, у всех был свой вечер, свои тайны, свои надежды. И у меня тоже.

Машина остановилась у здания, которое я уже видела в

прошлый раз. «Весенняя терраса» располагалась на последнем этаже бизнес-центра в центре города. Снаружи это был обычный стеклянный офисник, но внутри, как я слышала, было настоящее чудо — терраса под открытым небом, с видом на город, с живыми деревьями и цветами, с мягкими диванами и приглушённым светом. Место, где назначают свидания, делают предложения и празднуют победы.

В прошлый раз я так и не переступила порог. Сегодня я решила, что войду.

Я расплатилась, вышла из машины и замерла на тротуаре. Дверь в ресторан была прямо передо мной — стеклянная, с золотистой ручкой. За ней виднелся холл, портье в строгом костюме, огромная ваза с тюльпанами. Обычный ресторан. Ничего страшного.

Но ноги не слушались. Они будто приросли к асфальту, и все мои решительные настроения, которые я собирала целый день, вдруг развеялись, как утренний туман.

А что, если это ошибка? Что, если меня там никто не ждёт? Что, если это розыгрыш, и я войду, а все будут смеяться? Или, что ещё хуже, — меня будет ждать кто-то, кого я не хочу видеть?

Я стояла и смотрела на дверь, чувствуя, как страх сковывает тело. В голове крутились все те же сомнения, которые я пыталась заглушить весь день. Моя привычка всё контролировать, всё просчитывать, всё предусматривать — она не отпускала меня, она кричала: «Вернись! Это опасно! Ты не

знаешь, что там!».

Я уже почти развернулась, когда почувствовала, как вибрирует телефон в сумочке. Достала, посмотрела. Сообщение от неизвестного номера:

«Я вижу, что вы стоите у входа. Не бойтесь. Я не кусаюсь. Обещаю, вы не пожалеете».

Я подняла глаза, посмотрела по сторонам. Где он? Откуда он меня видит? На улице было много людей, но никто не смотрел в мою сторону. Может, из окна? Я подняла голову — наверху, на террасе, горел свет, но лиц было не разглядеть.

Сердце колотилось где-то в горле. Этот человек знает, что я здесь. Он ждёт. Он видел, как я стояла и сомневалась. И вместо того чтобы дать мне уйти, он написал.

Я посмотрела на экран телефона, потом на дверь, потом снова на экран. И сделала то, чего не сделала в прошлый раз.

Я шагнула вперёд.

Дверь открылась легко, будто сама приглашала меня войти. В холле пахло цветами и дорогими духами. Портье, мужчина лет сорока в безупречном костюме, посмотрел на меня с вежливой улыбкой.

— Добрый вечер, вы к нам по приглашению?

— Да, — сказала я, чувствуя, как голос дрожит.

— Вас ждут, — он сделал приглашающий жест. — Прошу за мной.

Я пошла за ним, чувствуя, как каблуки утопают в мягком ковре. Мы прошли через основной зал — просторный, с низ-

кими диванами, с живыми растениями в кадках, с приглушённым светом. За столиками сидели люди, кто-то ужинал, кто-то пил вино, кто-то тихо разговаривал. Никто не обратил на меня внимания, хотя мне казалось, что все смотрят.

Портье подвёл меня к лифту с зеркальными дверями.

— Терраса, — сказал он и нажал кнопку.

Лифт бесшумно поехал вверх. Я смотрела на своё отражение в зеркальной двери — бледная, с горящими глазами, с прижатой к груди сумочкой. Я напоминала себе героиню фильма, которая вот-вот войдёт в комнату, где её ждёт судьба.

Двери открылись, и я шагнула на террасу.

Это было невероятно. Пространство под открытым небом, застеклённое с боков, но с открытым верхом — над головой было звёздное небо. Вдоль перил росли живые деревья в кадках — вишни, уже покрытые нежными розовыми цветами. Повсюду были цветы: в вазах, в кашпо, свисающие с потолка гирлянды зелени. Светильники в виде светлячков парили в воздухе, создавая ощущение волшебства. И запах — не лилий, а чего-то более тонкого, весеннего, цветущего.

В центре террасы стоял единственный столик, накрытый на двоих. Белая скатерть, хрусталь, свечи в высоких подсвечниках. И за столиком...

Я сделала шаг вперёд, и воздух застрял в лёгких.

За столиком сидел мужчина. Он поднялся при моём появлении, и я увидела его лицо.

Я знала это лицо. Я не видела его семь лет, но узнала бы из тысячи. Острые скулы, тёмные волосы, аккуратная борода, которой раньше не было, и глаза — серые, с прищуром, который я помнила так хорошо, что больно стало.

Алексей Гаршин.

Мой бывший одноклассник. Тот, кто семь лет назад сделал мою школьную жизнь невыносимой. Кто дёргал за косички, прятал дневник, рисовал карикатуры на парте, обзывал «ботаничкой» и «королевой тишины». Кто был моим личным кошмаром с пятого по одиннадцатый класс. Кто на выпускном подошёл ко мне, когда я стояла у окна в своём дурацком белом фартуке, и сказал: «Ну что, Соболева, отмучилась?» — а потом развернулся и ушёл, даже не дав мне ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.